Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегий журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России, лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. М. А. Шолохова…

«Я В ДУШАХ ХРАМ ЛЮБВИ ПОСТРОЮ…»

К 90-летию Сэды Вермишевой

Когда думаю о Сэде Вермишевой, нередко вспоминаю одно из стихотворений Александра Трифоновича Твардовского, написанное за несколько лет до его ухода в вечность:

…Не надо платы никакой –
Ни той посмертной, ни построчной, –
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери…

Вспоминаю, потому что всё, о чём сказал здесь наш выдающийся поэт-фронтовик, без малейшего преувеличения отношу и к ней – нашей современнице, тоже ставшей выдающимся поэтом.

* * *

Стихотворение, строчка которого вынесена в заглавие, она прислала мне, как только написала, назвав его *«ещё тёпленьким»*. Прислала с просьбой о самом придирчивом прочтении, что меня тогда – уже довольно давно – очень удивило.

О её неуверенности в своих новых стихах я узнаю потом, когда мы часто станем показывать друг другу черновые варианты именно с такой просьбой. А тогда – «придирчиво» читаю:

Здесь всё – моё.
И всё – со мною.
И я не стёршийся пятак, –
Дорогу вымощу собою,
Вбивая в твердь земную

Шаг.
Я стану морем и строкою,
Свечою,
Озарившей мрак,
И землю я травой покрою,
Где пласт её
Убог
И наг.
Я в душах храм любви
Построю,
И я пятно позора смою
С лица земли…

Да будет так!

Читаю и чувствую, в этой – характерной для её стиля – «лесенке» такую плотность мысли и силу образа, такое слияние поэта с пространством, в котором живёт, и такой *«луч словесный»,* что в ответе на просьбу о моём «придирчивом прочтении» пишу*:* «Сэда Константиновна, пожалуйста, ничего не меняйте!»

Да и могу ли сказать что-то иное. Ведь этот её, звучащий в стихотворении, *«образ мира, в слове явленный»*, способен на самое высокое, что, наверное, присуще лишь молитве: *«Привлечь к себе любовь пространства, / Услышать будущего зов».*

Недели за две до того, как она уйдёт в мир иной, прислала мне с той же, давно уже привычной друг для друга просьбой, тоже «ещё тёпленькое»:

Я обретаю вновь свободу,
Я вновь свободою
Дышу.
А вольный дух
Не ищет броду –
Он там.
Он здесь.
Он Бог.
Он Весть.
И я пишу
Его указы
(Не канцелярские листы!),
И не эпитеты и фразы,
Где веет ветер пустоты…

Являя сердцем миру разом
Все бездны
Горней высоты.

И я пойду бродить по свету –
По закоулочкам
В стихах
Искать себя, свою планету
И плыть к себе на всех ветрах.

Вполне естественно, что моя реакция на это стихотворение была такой же, как и на первое, присланное много лет назад, о котором шла речь вначале.

Ну, а какой она могла быть ещё, когда и здесь, в, казалось бы, очень просто сказанном – эта бездна ощущений. Или, словами автора: *«Все бездны / Горней высоты»* её летящей и земной поэзии.

Потом она позвонила. И после того, как мы поговорили об этом стихотворении, добавила, что у неё есть ещё несколько новых, но пока не хватает сил их напечатать, чтобы отправить. Сказала, как только чуть окрепнет, пришлёт всё с той же просьбой.

Но… Бог не дал окрепнуть.

Однако те стихи не пропали. Её сын, Сурен, нашёл их на листках бумаги, перепечатал и отправил в журнал «Берега», где они опубликованы в первом выпуске за 2021 год. Как раз к годовщине её ухода в вечность.

К этой же годовщине в издательстве «Российский писатель» выходит полная благодарности Сэде Константиновне книга Нины Волченковой «Душа твоя высокого полёта», где автор ведёт внутренний диалог со своей – очень близкой по духу героиней.

* * *

А в вечность или мир иной мой друг, наш выдающийся поэт, публицист, учёный и общественный деятель Сэда Константиновна Вермишева ушла утром 18 февраля 2020 года на 88-м году жизни.

Печальную весть о случившемся получил почти сразу. Сначала позвонил писатель и драматург Валерий Лебединский, потом Сурен. И хотя с конца 2019 года здоровье Сэды Константиновны серьёзно ухудшилось, да и возраст почтенный, к произошедшему утром того дня никак не был готов. К тому же 10 февраля она написала мне, что ей стало легче и, как только чуть окрепнет, очень бы хотела продолжить нашу письменную беседу о возможных причинах распада Советского Союза, первая часть которой была опубликована в декабрьском номере газеты «Слово» и на сайте «День Литературы». Беседа имела широкий общественный резонанс, и Сэде Константиновне было очень приятно видеть и слышать серьёзные, благодарные комментарии уважаемых людей.

Мой первый вопрос в продолжение этой беседы у неё уже был, поскольку дальнейший контур мы наметили ещё по окончании первой части. И именно на него она готовилась ответить после того, как написала мне 10 февраля.

Но… судьба распорядилась иначе, и теперь мой близкий друг уже ничего не напишет.

* * *

Помню, что в какой-то момент того печального вечера, после разговора с Суреном пришли на память строчки В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сочувствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Хотя по отношению к Сэде не поворачивается язык сказать в прошедшем времени.

Да и вряд ли кто-нибудь, кто с ней знаком – очно или заочно, думает иначе. Потому что трудно себе представить человека более деятельного, полного замыслов и умеющего их воплощать. Как и более надёжного друга.

Все, кто её знают, помнят о постоянной готовности этой, внешне хрупкой, но внутренне очень сильной женщины помочь тому, кому худо, и сделать для этого всё, что в её силах. За что очень многие остаются ей благодарны.

Конечно, нам всегда будет не хватать возможности слышать её голос или получить от неё письмо по электронной почте, но в остальном прошедшее время не для Сэды. О таком чувстве когда-то абсолютно точно сказал замечательный писатель-фронтовик К. М. Симонов:

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьёт…

Если это друг, а друзей, в истинном смысле этого слова, у каждого из нас бывают лишь единицы, он может оказаться и на далёком от тебя расстоянии, и даже уйти в мир иной, но внутренне всегда остаётся с тобой. И любой свой поступок ты сверяешь с тем, как он бы к этому отнёсся. Оттого так и прижилось в людях известное изречение Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». И конечно же, дружба не имеет срока давности.

* * *

Мы познакомились сначала заочно, благодаря сайту «Российский писатель», где каждый из нас с какого-то момента стал обращать внимание на публикации и комментарии друг друга. Не обратить внимания на публикации Сэды было невозможно, потому что её аналитическая мысль в рассуждениях на темы экономики и геополитики восхищает своей глубиной, умением разобрать обсуждаемую проблему на элементы, после чего сложить эти элементы в единое целое. Причём сложить так, что ты уже видишь не только внешнюю картину происходящего, но и его истоки, а также движение во времени и даже возможную историческую перспективу. То есть перед тобой будто возникает цейтраферная съёмка обсуждаемого автором явления и его панорама.

Ну а то, что Сэда Вермишева – выдающийся поэт, поражающего воображение масштаба, думаю, ощутил каждый, кто хоть что-нибудь прочитал из её стихотворений. Причём ей в высшей степени подвластны все поэтические жанры – и мощная гражданская, и глубинная философская, и тончайшая любовная лирика, которая в подавляющем большинстве случаев органично сливается с лирикой природы.

И конечно, такая поэтическая палитра при высочайшей культуре слова у Сэды оказывает очень сильный эмоциональный эффект на многочисленных поклонников её поэзии. Причём поклонников самого разного возраста.

* * *

Однажды, когда был на Комсомольском, 13, Николай Иванович Дорошенко дал мне только что вышедший в издательстве «Российский писатель» сборник её стихов – «СМЯТЕНИЕ». По мере того как читал, чувствовал усиливающуюся потребность написать о содержании, потому что эти стихи не отпускали своей интонацией, абсолютно точно соответствующей названию книги. Да и форма, присущая поэзии Сэды Вермишевой, позволяет её строкам входить в душу читателя уже навсегда.

Вот об этом и написал небольшой очерк «ПЕСНЯ МЕТЕЛИ – НЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТ», который опубликовали сайт «Российский писатель» и журнал «Берега».

Было очень приятно видеть многочисленные комментарии как собратьев по перу, так и людей, не имеющих отношения к профессиональному занятию литературой, но имеющих тонкий литературный вкус, выраженный в данном случае восхищением поэзией Сэды Константиновны.

Да и как не быть словам восхищения и благодарности, когда перед нами поэт, личность которого наделена высочайшей духовной силой, позволяющей на примере собственных взлётов и падений убедить читателя, что безвыходных положений нет, если не опускать рук:

Когда нет сил / Подняться / Для полёта,
Когда мне жить / Почти / Невмоготу,
Крест-накрест / Предо мной / Все двери, все ворота –
Я говорю себе, / Что я – пехота…
А впереди лишь топи / Да болота,
Но я их всё-таки /Когда-нибудь / Пройду…

Уже в те дни мне стало понятно, что это и есть «рентген души» моего теперь близкого друга Сэды Вермишевой.

А тогда, через несколько дней после публикации на сайте «Российский писатель», мне позвонил давно и хорошо её знающий Николай Иванович Дорошенко и сказал, что Сэда попросила его познакомить нас. Узнав об этом, я был удивлён, поскольку думал, что Сэда Константиновна живёт в Ереване. Оказалось, что живёт она в Москве, работает в посольстве Армении, где возглавляет аналитический отдел экономики и геополитики.

В условленный день и час мы поехали к ней на работу. Встреча была очень радушной. Гостеприимная хозяйка тут же заказала для всех ужин из посольского ресторана, и мы замечательно посидели весь вечер втроём в её уютном кабинете. Когда кто-то из нас случайно обратил внимание, который час, были очень удивлены: настолько незаметно пролетело время за разговорами на самые разные темы – о литературе, личных воспоминаниях каждого, о политике...

С той поры у нас с Сэдой началась постоянная переписка по электронной почте, телефонные разговоры и стали довольно частыми встречи, поскольку она любила пригласить к себе в кабинет после рабочего дня.

Рассказывая друг другу о своей жизни, мы неожиданно выяснили, что у нас довольно много общих знакомых ещё со времён СССР: замечательный поэт, литературный критик и яркая личность Татьяна Глушкова – для обоих она была Таней; непризнанный гений поэзии, человек драматичной судьбы Лёня Губанов – основатель известного, хотя и недолго просуществовавшего с середины 60-х неофициального литературного объединения СМОГ: «Самое Молодое Общество Гениев»; дальний родственник Сэды Булат Окуджава, от которого она после известных событий 1993 года из-за его подписи под «письмом 42» с возмущением отреклась; замечательные поэты-фронтовики Юрий Левитанский, Евгений Винокуров, Дмитрий Ковалёв, прекрасные поэты разных поколений: Леонид Мартынов, Владимир Цыбин, Роберт Рождественский… Перечислять можно долго. (С некоторыми ещё в 60-е познакомился благодаря моей тётушке – переводчице Татьяне Третьяковой, дочери известного в 20-е и 30-е годы поэта-футуриста Сергея Третьякова.)

Эти встречи с Сэдой, как и первая, тоже проходили в атмосфере гостеприимства щедрой хозяйки и тоже пролетали незаметно за обоюдными рассказами и обсуждениями любой общей для нас темы и событий из текущего или прошлого.

Нас заметно сближало и то, что оба пришли в литературу из науки. Сэда Константиновна после окончания экономического факультета Ереванского государственного университета более четверти века трудилась в Институте экономики и планирования Госплана Армении. Её научные разработки были известны и имели высокую оценку в среде экономистов Советского Союза.

А поскольку жизнь в науке приучает человека не только творчески мыслить, но и фундаментально подходить к анализу любого явления, нам было очень легко говорить, что называется, «на одном языке».

Поэтому ни одна из таких встреч не носила характера досужих разговоров, а всегда после них – по пути домой, дома и позже всплывали в моей памяти её ёмкие суждения о сути литературного процесса, о сложных взаимосвязях «подковёрных игр» политиков, о том, насколько сильно отличалась в лучшую сторону атмосфера периода наших с ней прежних лет в Советском Союзе от нынешней, и почему…

И это «почему» всегда являлось главным итогом наших бесед.

Хотя в какие-то моменты по теме разговора всплывали в её или моей памяти анекдоты, которыми мы друг друга, как однажды она заметила, «угощали». Наделённая тонким юмором, Сэда любила хороший анекдот. Особенно обожала анекдоты от Юрия Владимировича Никулина, который в этом разговорном жанре был очень тонок и неистощим.

* * *

О том, как было встречено появление её имени в литературе, она из скромности и высокого уровня воспитания мне не говорила. Это я узнаю позже от близкого друга Сэды, известного писателя и фотохудожника Левона Осепяна. Он расскажет, что со второй половины 60-х Сэда, наряду с научной работой, всё больше начинает уделять внимание литературной, и в 1971 году выйдет первый сборник её стихотворений. Несмотря на малый объём и незначительный тираж, книжка получила широкий резонанс как среди профессиональных писателей, так и в кругу читателей, умеющих ценить литературный талант. Довольно скоро последовали отклики людей, имеющих высокий авторитет в литературе: Н. Тихонова, Л. Мартынова, Вс. Рождественского, А. Ревича, Ст. Щипачёва, И. Снеговой, С. Капутикян… Причём некоторые писали довольно основательные рецензии, в которых отмечали особенности поэтического дарования Сэды Вермишевой.

Приведу лишь две из них, поскольку и этого будет достаточно, чтобы ощутить, каким явлением в литературе стало имя дебютантки. Вот как написала Сильва Капутикян: *«Говорят, человек должен писать на том языке, на каком молится. Случилось так, что хотя Сэда пишет стихи по-русски, молится на армянском. За русскими словами скрывается мир армянки, армянская душа – глубокая, пустившая сильные корни.* ***В поэзии Сэды Вермишевой всегда присутствует чувство долга, особенно – перед родной землёй.*** *И она отдаёт, возвращает этот долг вновь и вновь, и,* ***может быть, более весомо, чем кто-либо****».*

А это слова Александра Ревича: *«В поэзии Вермишевой я обратил внимание на одну вещь, которая для меня была тоже открытием, – присутствие Блока. Ведь по сути дела в России Блок – самый крупный русский поэт 20-го века – замечателен именно тем, что он больше всех ощутил трагедию страны. И, когда*

Летит, летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль…

идёт в стихотворении Сэды эпиграфом, это оправдывается хотя бы тем, что стихотворение кончается:

За всё, что было, / За всё, что будет,
В траву степную / Лицом / Упасть…

Это вот так вот разорвано и написано. ***Это написано так потому, что произносящий задыхается. Произносящий задыхается!****..»*

Не правда ли, в этих строках в полной мере ощутим дух горьковского Данко с его горящим сердцем, принесённым в жертву, чтобы спасти свой народ. Именно такой – готовой на подобный подвиг ради родных ей армянского и русского народов – и осталась Сэда в памяти всех, кто знал её близко. Причём для себя она такую готовность подвигом не считала, а считала долгом памяти наших великих предков.

Позже – уже в десятые годы 21-го века – о высоте, которую достигал полёт души этого уникального поэта, скажет Николай Дорошенко: *«Собственная судьба её не волнует. Её волнует только судьба мира сего. Она Давид, от которого спрятался Голиаф. Она Пересвет, на вызов которого не ответил в своих куршевельских содомах и гоморрах ненавистнейший Челубей. И никто, никто, абсолютно никто, если не считать таких же, как она апостолов современного русского поэтического слова, уже не может увидеть воистину шекспировскую высоту её строк:*

Я альфа и омега. / Я – только / Прах.
Я – голос мира, / Ветвь его побега…
Я – эхо Бога / И пред Богом / Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой…

Колени содраны…

Пред ликом Всемогущим
Я есть ничто…

Но мной не правит случай…

Вот в этой – заключительной строчке я вижу её одинокое, в нас не свершившееся, не каждым нашим сердцем чаемое великое народное восстание; я вижу горделивую под петлёй осанку Зои Космодемьянской, вижу Александра Матросова, упрямо приближающегося к вражескому дзоту…»

Все эти яркие характеристики состоявшихся в литературе личностей сводятся к одному: перед нами уникальный пример поэта, *«дум высокое стремленье»* которого сохраняет свою высочайшую энергию благородного служения людям. Потому и такие сильные образы кристаллизуются у Сэды в поэтические строки.

* * *

Довольно скоро она стала приглашать меня на поэтические и политологические вечера: в ЦДРИ, ЦДЛ, Дом-музей Цветаевой, б-ку им. Некрасова, в конференц-зал посольства Армении, где сама организовывала и вела такие встречи, в московский Литературный институт им. Горького, в Переделкино… Иногда по её просьбе в таких вечерах были наши совместные выступления.

И здесь я обнаружил в Сэде Константиновне очень неожиданное для меня качество: если в выступлениях и дискуссиях по экономике, геополитике… она вела себя абсолютно уверенно, логически убедительно отстаивая свою точку зрения (хотя умела услышать оппонента и, если он был убедителен, согласиться с его доводами), то в канун поэтических выступлений передо мной была уже другая Сэда.

Сэда, в характере которой сочеталось, казалось бы, несочетаемое: когда нужно было сделать что-то благое для достойного человека или дела, а также оценить события, поступки людей, литературные произведения, она делала это очень решительно, уверенно и метко; а по отношению к собственным стихотворениям, проявляла неуверенность. Постоянно сомневалась в их качестве. Перед каждым творческим вечером спрашивала, что ей лучше почитать: старое, уже принятое писательской и читательской средой, или новое, в литературном качестве которого ещё сомневается. Или, написав что-то новое, тут же присылала с просьбой о самой тщательной критике, о чём уже сказал в начале этих воспоминаний.

Хотя какая могла быть критика при таком уровне её владения пером поэта и публициста.

Но ведь именно в этой неуверенности и заключается высочайшее требование к своему слову, идущее от трепетного отношения к Литературе, которая в конечном счёте и определяет главное во взаимоотношениях между людьми – степень их милосердия, гуманности и любви к ближнему…

* * *

К сожалению, стечение обстоятельств не позволило ей последние три земных года жить в Москве. Пришлось вернуться в Ереван, где чувствовала себя одиноко, поскольку литературная и общественная жизнь в столице России больше подходили ей по динамике и духовной основе.

Об этом были её многочисленные письма, и мы – друзья Сэды – старались сделать всё от нас зависящее, чтобы она не чувствовала внутренней оторванности от России. В нескольких подряд номерах журнала «Берега» 2019 года и в первом 2020-го выходили её публикации – поэзия и публицистика в виде интервью с главным редактором журнала Лидией Довыденко, которую Сэда обожала за чуткость души, благородную направленность организаторского и литературного дарования. Как уже говорил, в газете «Слово» Виктор Алексеевич Линник – элитный журналист, которого она называла человеком отменного литературного вкуса и кем издавна восхищалась, опубликовал нашу с ней беседу «Как уходил СССР». Николай Иванович Дорошенко, с которым она давно дружила и чью литературную одарённость с редким ассоциативным мышлением очень высоко ценила, постоянно публиковал на сайте «Российский писатель» её новые стихотворения и стихотворные циклы. Елена Игоревна Дорошенко, когда у Сэды не работал доступ к окошку для комментариев, что было довольно часто, а ей очень хотелось поделиться своим мнением о той или иной публикации на сайте, всегда лично помогала ей в этом. Николай Фёдорович Иванов, к кому она очень тепло относилась, зная его достойнейшую биографию и восхищаясь его прозой, в которой чувствуется душа поэта, постоянно и во всём Сэду поддерживал. В частности, сразу, одной из первых оформил ей билет Союза писателей России нового образца и выделил из первой же партии знак нашей организации. Мы передали это через её сына Сурена, который проездом был в Москве, и благодарная Сэда была тронута таким вниманием со стороны нашего Союза.

Когда в 2017 году тяжело заболела её внучка Мария Саакян – талантливый российский кинорежиссёр – и приехала на лечение в Москву, Николай Иванов сделал всё от него зависящее, чтобы лечение проходило в лучшей из клиник, у лучших специалистов. К сожалению, болезнь оказалась в уже неизлечимой фазе, и в январе 2018 года Машенька ушла из жизни.

* * *

Знаю, что Сэда Константиновна вела обширную переписку со многими писателями, у каждого из которых, уверен, найдутся о ней самые добрые слова.

Её душевное тепло и высокую литературную оценку сполна ощутили на себе Нина Волченкова, Екатерина Пионт, Валентина Коростелёва, Екатерина и Анна Козыревы, Анна Вартаньян, Анна Ретеюм, Светлана Демченко, Людмила Владимирова, Геннадий Иванов, Николай Коновской, Эдуард Петренко (светлая ему память), Валерий Латынин, Сергей Зубарев, Никита Иванов, Владимир Скиф, Владимир Корнилов… продолжать могу долго. Единственным человеком, кому она хотела написать на январский цикл стихов, но не успела, является Наталья Радостева. Успела лишь в нашем телефонном разговоре сказать, что на сайте появился очень интересный, яркий поэт с собственным голосом, и что, когда чуть окрепнет, напишет сама. Но… Бог не дал.

Согласимся, далеко не каждому из нас присуще такое щедрое внимание к собратьям по перу – не только читать свежие публикации, но и находить время, силы и нужные слова, чтобы публично откликнуться на то, что тронуло душу.

Сэда была в постоянном контакте с профессором московского Литературного института им. Горького Михаилом Николаевичем Поповым, с поэтом, прозаиком и драматургом, главным редактором журнала «Муза» Валерием Ефимовичем Лебединским, с заведующим отделом театра и телевидения ЦДРИ, поэтом и режиссёром Анной Алексеевной Шишко. Когда Михаил Попов и Анна Шишко пригласили меня выступить в ЦДРИ на вечере памяти замечательного поэта-фронтовика Давида Самойлова, с которым мы были знакомы, то перед выступлением и после него говорили в основном о Сэде. О том, как не хватает её в Москве. Вспоминали наши совместные встречи, окрашенные яркостью таланта и душевной теплотой этого щедро одарённого природой нашего друга. Надеялись, что, может быть, она вернётся. Точнее, не столько надеялись, сколько хотели и мечтали об этом.

После вечера подробно написал Сэде о происходившем и выслал видеосъёмку выступлений на сцене. Растроганная, она ответила, что будто побывала в те часы вместе с нами.

* * *

Однажды, узнав, что готовлю рукопись для публикации нового сборника стихов, спросила, можно ли ей эту рукопись почитать. Конечно, я с удовольствием отправил уже скомпонованный материал в надежде получить её советы, поскольку реакция такого Мастера всегда полезна. Через несколько дней эта реакция последовала, но в очень неожиданном для меня виде: Сэда спросила, не возражаю ли я, если она напишет к сборнику предисловие. И в этом вопросе в очередной раз ощутил высшую степень её деликатности. Ведь таким предложением она делала мне неоценимый подарок, потому что получить предисловие поэта такого уровня, да ещё по собственному желанию этого поэта, это честь и яркий штрих в собственной литературной биографии, чем очень дорожу и горжусь. Её предисловие украсило мой сборник поэзии *«Живёшь, свою книгу листая».*

Когда рассказал ей, что готовлю рукопись книги о Великой Отечественной под названием *«О чём поведал фронтовик»*, куда войдут повести и рассказ о моих старших товарищах-фронтовиках, их воспоминания, а также письма с фронта и записи из фронтового дневника одного из них, она очень воодушевилась, сказав, что у неё тоже появилось желание систематизировать и опубликовать письма и дневники отца, ушедшего на фронт в рядах Народного ополчения. И добавила: «Вот только немножко окрепну».

Но… судьба распорядилась иначе. И теперь она, уйдя в другое измерение, всё отчётливей входит в память, где и остаётся жить. Потому что:

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт…

сказал человек, который хорошо знал, что это такое.

Вот и наша Сэда остаётся с нами во многих её произведениях, комментариях, личных разговорах… А для меня ещё и в стихотворении, черновик которого много лет назад в первый раз получил от неё «для самого придирчивого прочтения»:

Здесь всё – моё. / И всё – со мною…
…….
…Я в душах храм любви / Построю…

Она сумела это сделать. Сделать самое главное, что позволит человеку выполнить своё предназначение на земле. Думаю, все, кто её знал или читал, почувствовали в этой великой женщине высокую нравственную ноту строителя *«храма любви»* в наших душах. За что и остаёмся ей благодарны.

* * *

И поскольку любой человек после физической жизни на земле остаётся жить в памяти людей, его знавших, а Художник – и в своих произведениях, думаю, многим из нас захочется посидеть наедине со стихотворениями нашей Сэды, чтобы ещё раз ощутить поэтические откровения этого Мастера.